

Лето

Автор:

Алла Горбунова

Лето

Алла Глебовна Горбунова

Роман поколения

Алла Горбунова родилась в 1985 году в Ленинграде. Окончила философский факультет СПбГУ. Поэт, автор нескольких книг прозы – «Вещи и ущи», «Конец света, моя любовь», «Другая материя». Её стихи и проза переведены на многие иностранные языки. Лауреат премий «НОС», «Дебют» и премии Андрея Белого.

Новую книгу Горбуновой формально можно отнести к жанру дневниковой прозы. Это до предела обнажённый, обжигающий, насыщенный текст. «Лето» соткано из философских размышлений и мистических озарений, тончайших описаний природы и быта и полных глубокой нежности наблюдений за взрослением ребёнка.

Содержит нецензурную брань

Алла Горбунова

Лето

© Горбунова А.Г.

© ООО «Издательство АСТ»

1. Амёбы в воздухе

Мы провели майские праздники в Ольгино. С утра до вечера на участке было солнечно, как будто теней и вовсе не существует в мире. Сразу за участком, за баней, видна огромная, раскрашенная в цвета российского флага труба ТЭЦ. Садоводство в черте города. Травка, беседка, качель под соснами, распутившиеся трубчатые нарциссы, маленькая кочка с фиолетовыми цветами, на которую всё время писал Егор, только научившийся писать стоя. Туя у бани. Кустики облепихи, слива. Всё только пробуждается, набухают почки, листьев ещё нет. По утрам слегка пахнет навозом с каких-то окрестных полей. Солнце тоже пахнет – сухой травой, испарением влаги, пыльным песком, в котором копается Егор. Всюду на дорогах песчаные кучи. Единственный водоём – маленький пожарный прудик, дети в нём всё время понарошку ловили рыбу на длинные палки, найденные в кучах бурелома на его заросшем берегу. Ощущение обжитого, обитаемого пространства: шезлонг на участке, мяч на траве, кострище и мангал на полянке, машина Гошиной мамы рядом с воротами, посуда и все принадлежности на кухне – там, где надо, рассортированы по полочкам, у всего своё место.

В первый же день в Ольгино я села на качель и принялась созерцать воздух. Созерцание воздуха обыкновенно сочетается с созерцанием деструкции стекловидного тела – маленьких движущихся кружочков, похожих на амёб. Когда смотришь на воздух – видны переливы, потоки, непонятное переливчатое движение, складывающееся в узоры, фигуры, воронки. Можно часами смотреть на это движение, на фоне которого проплывают скопления кружочков-микробов деструкции стекловидного тела. Я вообще очень люблю разного рода дефекты восприятия, они – мировые щели, в которые можно подглядывать.

В Ольгино вокруг были сплошные дети: мой сын Егор (три года), Агата (тётка Егора, ей будет десять), соседский мальчик Ярик, его младшая сестра Кристина и соседская девочка Лиза. Лиза влюбилась в Егора, хотя ей пять, а ему три, и рассказала Агате, а Агата – всем нам. Потом Лиза упала с велосипеда и сильно поранилась, её возили в травму. В руках у неё всегда плюшевый котёнок, сама она говорит тихо и как будто всё время жалобно мяукает. Когда я спрашиваю Егора, кто ему нравится, он шёпотом говорит: «Агата». Ярик обычно сидит на

заборе, он умеет делать крутые трюки в скейт-парке, он уже считает себя подростком и научил Егора кричать: «Танцуй курица-ананас!» Ярик дружит с Агатой, но не разрешает ей приходить к нему, когда приходит его друг и они вместе сидят на заборе, – у них мужская компания. По вечерам, когда наступает время ужина, Ярик приходит к нам, чтобы поесть, и, наевшись до отвала, говорит: «Всё, больше не могу, я же перед вами ещё дома поужинал». Только и слышны со всех сторон детские голоса, и среди них главный голос – моего сына. Голоса радости, писк, визг, хохот, беготня, игры. Кошмары затихают, заползают в углы комнаты, прячутся в углах, пока дети играют.

Неподалёку в лесу Петровский пруд, возникший на том месте, где когда-то из земли извлекли Гром-камень для пьедестала Медного всадника, но туда мы не решились идти с Егором: тропы в лесу совсем разбитые, коляска не пройдёт, а без коляски всё-таки Егору было бы сложно пройти такое расстояние. На залив тоже не поехали, потому что там могут быть патрули – отлавливать нарушающих коронавирусную самоизоляцию. Зато дважды ездили на машине гулять в старую часть Ольгино – смотреть на дореволюционные дачи. Первый раз, когда мы вышли из машины, Егор нашёл яму, залез в неё и не хотел выходить, а когда его силой вытащили, залез в другую яму, и на этом прогулка и кончилась. А во второй раз, когда мы вышли из машины, Егор стремительно побежал по проезжей части, громко распевая песню Мамонова: «За мной, постовой, ежедневный герой... оторви кокарду, сломай жезл!» Я за ним, Гоша за нами, Гошина мама за ним, и так мы бегали по проспекту трусцой вначале в одну сторону, потом в другую. В предпоследний день праздников мы поехали на другую, строящуюся дачу в коттеджном посёлке в 12 км от города по Мурманскому шоссе. Там было ещё больше солнца, оно прямо пекло, и мы пошли в лес, в сторону Коркинского озера, где когда-то была наша с Гошей свадьба. Хотя и близко от города, но лес удивительно хороший и чистый. Тропу от коттеджного посёлка по лесу к озеру проложили недавно, и чувствовалось, что свеженасыпанная земля проминается под ногами, а корни берёз у дорожки были заботливо покрыты брезентом. До озера мы не дошли, потому что Егор был без коляски, свернули с середины пути, обратно Егор еле шёл, и Гоша периодически нёс его на плечах. Лес был зелёный и прозрачный одновременно. Заливаясь до хрипоты, пели птицы.

Многие поэты говорили или писали, что после смерти хотели бы стать частью языка, превратиться в речь. Я бы точно не хотела. Я знаю, частью чего я хотела

бы стать. Только вот это всё – частью чего я хотела бы стать – очень трудно описать одним словом. Представьте себе весну, первые ростки, просыпающийся лес, влажность, сырость, траву, все эти запахи, болотце, мшистые камни, мокрую почву и на ней мокрую зелень, дерево, камень, смолу, тающий лёд, фактуру земли, дерева, камня, льда, смесь льда, смолы, пахучей жижи. Уровень леса, который близок к земле и воде. Стало быть, я хотела бы стать частью Весны. Частью сырого запаха природы. Частью фактуры того, что в просыпающемся лесу находится почти у самой почвы и чуть выше. Это то, что является для меня самым реальным на свете. Что-то живое, умирающее и воскресающее, вечно возвращающееся и неповторимое. Я хотела бы стать частью безусловно, абсолютно Реального.

2. Другое «быть»

Пока мы были в Ольгино, на моей любимой даче на 67 км Приозерского направления мой дядя Алексей вырубил мою любимую яблоню и сирень, чтобы сделать площадку для строительного мусора, который ему отдал сосед. Мусор остался от сноса соседской половины дома, и Алексей уговорил соседа, чтобы тот отдал этот мусор ему. Алексей сказал маме, что этот мусор у нас на участке навсегда, на годы, и что нам это нужно, что мы не сможем жить без этого мусора. Он вырубил яблоню «белый налив», вырубил сирень, которую так любил дедушка, только чтобы у него был этот мусор. Мы могли бы нанять машину и вывезти мусор, мы могли бы купить для него машину хороших дров, но увы...

Дачный дом как будто превратился в объект сна. Жизнь как во сне – в наполовину снесённом доме. Половину дома снесли и превратили в кучу мусора: битых кирпичей, досок с ржавыми гвоздями. Раньше дом стоял целый, а теперь его половина в виде кучи мусора лежит рядом с оставшейся половиной. Полу-дом, полу – куча мусора. И это мой дом детства, центр моей психической карты. Дом, где в окна светит солнце, а под окнами – цветы, шмели, радость. И рядом бабушка с дедушкой. Наше всегда. Моему дяде Алексею нужны остатки снесённой части дома, россыпь обломков, битый кирпич, отсыревшие доски. Он говорит, без этого мы не сможем жить. Он ходит на помойку и приносит новый мусор, кидает в эту кучу. В этой куче происходит что-то странное, метафизическое. Она что-то порождает. Из неё что-то можно построить. Какой-

то хаотичный странный объект. Дядя не говорит, что он будет с ней делать, что он будет из неё строить, просто говорит, что это нужно. Эта куча – таинственный разбросанный конструктор. Дядя что-то построит, может быть что-то страшное, но не говорит, что именно. Может, он будет использовать остатки вечного дома моего детства для каких-то других объектов. Это будет превращать эти объекты во что-то другое, будет придавать им качества той стороны. Разрушенная половина дома детства – это клипа, мёртвая оболочка, шелуха от дома детства, его обратное отражение, перевёртыш, мёртвая память. Её надо сохранять рядом с оставшейся половиной. Это имеет ритуальный смысл. Она открывает врата в анти-мир, углубляется в него. Когда живая и мёртвая половины находятся рядом – образуется такое особое место. Врата. Портал. Прорыв туда. Или оттуда. Путь одновременно в вечность и анти-вечность. Путь на тёмную дачу. Эти доски и битые кирпичи – это воронка, дыра. Из них можно построить тёмного двойника дачи, тёмное отражение. Оттуда, из этой дыры, будет проникать какое-то жутковатое запредельное. Дядя это чувствует, ходит на помойку с тележкой, добавляет детали чужих разрушенных миров, чужой памяти, совершенствует свой замысел.

Это не просто участок. Это Эдем. Эдем смертен. В нём осыпаются листья, вянут цветы, умирают звери и люди. На даче поэзия лежит вокруг – её нужно только подбирать. Валяется себе – в диком виде и отборная. Рядом с ржавыми гвоздями и битыми кирпичами теперь её место.

Перед самым сном, когда я лежала в десяти одеялах и вдыхала запах сельского дома, старых отсыревших матрасов, подушек и топящейся печи, я захотела иного бытия, иного присутствия. Иногда я уже думала об этом: каково это – другое «быть», когда само «быть» будет значить другое? Я знаю какую-то пульсирующую точку «быть», которая кажется неизменной. Как именно и кем именно быть – может изменяться, но эта пульсирующая точка «быть», если и она может меняться? Если «быть» – это однажды будет по-другому? В самом своём существе – «быть» по-другому? Наверное, это значит уже не быть человеком. Для этого нужны новое небо и новая земля. Может быть, это «быть» Абсолюта или душ умерших, живущих в слиянии с Абсолютом. Мы можем себе представить разные способы бытия, очень друг на друга непохожие, но это не способ бытия, это само бытие, и оно другое. Его не представить. Для него нужно другое тело и другая психика. Я тку себе это тело из тонкой материи, тку себе душу, как нательную рубаху, – ту душу, которая сможет быть по-другому, в ином

присутствии.

Как однажды мы узнали, что дважды два четыре – это только частный случай, или что физика Ньютона – только частный случай, так же и наше «быть» может оказаться частным случаем, а есть другое, расширенное «быть». Мы не можем себе это представить. Это тупик для мышления, удар палкой по голове. Мы и наше «быть» так до сих пор и не смогли толком понять. Лучше всех удалось Хайдеггеру, он описывал наше «быть» со всеми этими структурами Dasein, экстазисами времени, заботой, ужасом и всем таким. Он успел описать темпоральность Dasein, но это для него был подготовительный этап, чтобы перейти к собственному времени бытия. Вот этого он не смог сделать. А я тут с каким-то другим «быть», к которому и подойти пока нет никакой возможности. Другое «быть» – это из тех идей, которые приходят в голову, когда лежишь на поле и смотришь на звёзды. Вначале ты думаешь, есть ли инопланетяне, негуманоидные формы жизни, населён ли космос, а от этого недалеко уже и до вопроса: а есть ли другое «быть», в принципе не такое, как у нас? Вдруг наше «быть» – это только частный случай? Вдруг «быть» – это может быть по-другому на ядерном уровне?

Я всегда обращаюсь со всем, что для меня важно, на ядерном уровне. У вещей есть ядра, мантия, кора – вещи повторяют строение Земли. В поэзии тоже есть ядра, мантия, кора. Есть «ядерные» поэтические переживания, своего рода поэтические ядра, которые можно выявить у разных поэтов. Как то, например, переживание прихода осени или переживание неостановимого хода времени. Поэтические ядра объединяют (и разъединяют) поэтов гораздо больше, чем приёмы. Их совпадение-несовпадение также определяет отношение читателя к поэзии («я понимаю, зачем это» / «я не понимаю, зачем это»). Распределение ядер похоже на карту звёздного неба. Бывают поэты, у которых множество мелких ядер, и те, у кого несколько довлеющих. Вероятно, есть моноядерные поэты, как и стихи, целиком основанные на приёмах и лишённые поэтических ядер вовсе.

Кстати, если «быть» будет по-другому, «иметь смысл» тоже будет по-другому. Вещи не просто изменяют свой смысл, а сам смысл как возможность радикально изменится. Есть два полюса времени для начала речи: время, когда ещё ничего не сказано, и время, когда уже всё сказано. Первое из этих времён люди любят, а по поводу второго сокрушаются. Наше время в глазах многих – это именно то

время, когда уже всё сказано. Но какая, в сущности, прекрасная эпоха, когда уже всё сказано! Тут-то наконец и можно перейти к главному – необходимости искать новые основания для того, чтобы говорить. Теперь «иметь смысл» должно значить уже нечто другое, чем прежде. Больше нет задачи «сказать всё» или найти ещё что-то до сих пор не сказанное и сказать его. Задача – найти новые основания для смысла, а не добавить ещё один новый смысл.

Я – случайная ошибка. Меня могло бы не быть. То, что я люблю, состоит из какой-то антиматерии, небытия. Из другой материи. И даже встречи материи мира с этой антиматерией почти не происходит, они плохо видят друг друга. Происходит нечто, абсолютно меня переворачивающее, а мир остаётся прежним – не меняется расклад общественных амбиций, репутаций, символических и прочих капиталов, господствующих дискурсивных практик и пр. Это как Бог, который мог бы быть, а мог бы и не быть – на дела в мире это как-то особо не влияет. И тем, кто это небытие несёт, свойственно не столько влиять на поле и переделывать это поле под себя, оставлять следы, его перегруппировывать, реформировать, а, скорее, им свойственно от логики этого поля убежать, ускользнуть, не быть пойманным никакими проявлениями системы, миром, языком, чем угодно. Мне часто кажется, что самое важное происходит именно на полях книги жизни, что там происходит что-то живое, странное и невидимое, от всего ускользающее и незаконное. Может быть, потом оно попадёт в невод времени, любви и признания и будет записано большими буквами на заглавной странице книги жизни, может – исчезнет навсегда, и всё останется прежним.

3. Гость с болота

Чем дальше, тем больше я воспринимаю себя как тело. Я – тело. Тело движется само по себе. «Двинулось тело // Кругами по комнате // Без всяких усилий // Само по себе // Само по себе // САМО ПО СЕБЕ!!!» Реальность «глуха», как стена. Это лес и смерть. Быть телом – быть гостем с болота, из леса, вестником реальности, смерти. Тело – не человек и живёт в не-человеческой реальности. Человек живёт в грёзе, превращающей не-человеческое в человеческое. Он создаёт себе внутренний образ тела и думает, что таким образом он тело себе присвоил, но человек обладает телом лишь в воображении. Тело живёт само по себе, от

рождения до смерти. Человек приписывает себе действия тела, приписывает себе его мысли, приписывает себе его сны. Мысли и сны тоже принадлежат телу, а не человеку. Человек – это тело вместе со странным иллюзорным образованием, которое считает жизнь тела своей собственностью. Между этим странным образованием и телом на самом деле нет контакта, человек только воображает себе тело. На самом деле человек живёт во сне, который снится телу, в сокровенной внутренней реальности, царстве смыслов без денотатов. Там он свободен и в какой-то степени счастлив, но ему не хватает той полноты реальности, которая есть только у тела. Там, в царстве смыслов, человек чувствует себя бессмертным, а тело живёт один раз. Для человека тело живёт во Внешнем, в лесу, на болоте, там, где мёртвые. Человек боится тел и Внешнего. И этот страх обоснован, потому что, если человек проснётся, – он обнаружит себя телом посреди Внешнего и больше не будет человеком.

В жизни меня ведут первобытные инстинкты. И даже в творчестве. Я выслеживаю добычу по запаху. Для меня соприкосновение со смысловым полем, окружающим какие-то вещи, охота на смысл и его явление в поэзии – больше всего похоже на распознавание запаха. Действительно, не только слово или образ может быть носителем смысла, но и запах – более первобытным способом. Стихотворение обычно рождается так: вдруг появляется (чаще сама, а иногда я её ловлю, как охотник) мишень, точечная и точная нота, сжатое в точку целое, чистая творческая возможность, некая свёрнутая интенсивность, обращённый ко мне зов. И встреча с этой мишенью больше всего похожа на улавливание запаха. Идешь себе по улице и вдруг чувствуешь: «Похоже, запахло стихами».

Важный момент: когда я мыслю как поэт, это не субъективно, не психологично. У этого есть некая общезначимость, универсальность. Общезначимость и универсальность поэзии иная, чем универсальность идеальных объектов математики, но благодаря этой универсальности смысла поэзия гораздо ближе к математике, чем, например, к журналистике. Многие говорят: это всего лишь твои мысли, – как бы имея в виду, что все мысли, которые могут прийти в голову человеку, – это субъективное и психологическое. Это не так. У меня есть разные мысли, и некоторые из них универсальны и общезначимы. Многие вообще не могут этого понять, они всё психологизируют, сейчас так принято; между тем мышление философа, поэта и математика восходит, пусть и по-разному, к универсальности смысла. Я знаю это в непосредственном опыте, в том, как я проживаю творческий акт.

Поэзия постоянно проникает границу между грёзой сознания или феноменального я, в которой все мы живём, и нечеловеческой реальностью. Феноменального я нет в физической реальности, там только объекты и процессы, это «глухая» реальность, «глухая», как глухая стена. Поэт, с одной стороны, живёт в мире феноменального я, в царстве языка и сознания, в ослепительной грёзе, но при этом он может слышать голос реальности – голос природы, голос с той стороны. Он – одновременно феноменальное я, прокладывающее ходы в «глухой» реальности и их по-человечески обживающее, – и гость с болота, из леса, вестник реальности, пришелец из детства и смерти. Он видит ваши сны. Он слышит голоса Зрения, Рассудка, Слуха, Внимания, Памяти, Страха, Осознания, Воли, Соображения, Догадки, Радости, Разума, Сознания, Ужаса, Воспоминания... Поэтическая речь раздувает тот неведомый костёр, где исчезает на миг граница между мёртвыми и живыми, ставшими собеседниками, между травой и человеком, а поэзия становится просто речью, единственно возможной, помнящей о своей невозможности. Это продолжение диалога, ответ на первое слово, родившееся когда-то в камне, на дне болота в мировой ночи.

Поэт – не только гость с болота. Он же – гость из Страны чудес. В каждом человеке живут двое: первый и второй. Первый рождается и живёт в Стране чудес. Но постепенно в нём рождается второй – новое образование, живущее в обществе и языке, с которым человек себя отождествляет. Он забывает Страну чудес. Он начинает жить во сне, который снится первому, но при этом забытая Страна чудес кажется ему сном, который он не может вспомнить. Второй никогда не жил в Стране чудес, он пытается вспомнить то, чего с ним никогда не было. Это он – сон Страны чудес, а не она – его сон, как он ошибочно думает. Первый, живущий в Стране чудес, никогда не научится говорить на языке второго. И я убеждена, что поэзия на самом глубинном её уровне – это дело первого.

4. В поисках шамана. Чжэнь

С детства я часто вижу осознанные сны. Постепенно я научилась в какой-то степени управлять этим процессом. В осознанных снах я часто ставлю себе те или иные задачи, постигаю мир сновидений. Однажды я поставила себе задачу

найти во сне шамана и задать ему один вопрос. После этого у меня началась эпопея осознанных снов, в которых я занималась поисками шамана.

В какой-то момент состояние сознания и тела на границе яви и сна было таким, что отделиться стало возможно, я вспомнила об этой возможности и отделилась от тела, встала, прошла по комнате (я была внутри домика на даче, где я и спала), чувствовала босыми ногами пол, вообще чувствовала пространство очень мягко и приятно. Мне хотелось есть, и я поставила перед собой задачу съесть что-то вкусное здесь – я решила, что вот выйду из дома, а там в кустах будет расти виноград, и я поем винограду. Это был такой эксперимент. Я открыла дверь (хотя в реальности она была заперта на ключ, тут никакого ключа не было) и вышла в сад. В саду погода соответствовала сумрачному раннему утру, ещё было темновато, даже почти как сумеречной белой ночью, и на меня сразу пахнуло свежим воздухом, запахом сада. В реальности было уже гораздо более позднее утро, было светло и солнечно, но я об этом не знала, я не представляла, сколько времени. Я прошла в кусты, где сирень, посмотрела – не было там никакого винограда. Тогда я вернулась назад, вошла в дом и решила поставить другую задачу – посмотреть в зеркало. Я посмотрела в зеркало, там была я, всё было хорошо, я смотрела на отражение внимательно, и оно как будто начало улыбаться мне, притом оно начало улыбаться мне первым, и я тоже начала улыбаться, но чуть позже и даже как будто немного вынужденно, как будто это я была отражением. Я снова вышла из дома. Я хотела полететь туда, где Гоша, и не знала, как это сделать. Но сознание всё же несколько отличалось от совсем бодрствующего, и мне казалось, что мне надо лететь к Гоше на квартиру в Москву, – о том, что он уже едет в поезде, который подъезжает к Питеру, я не думала. Я подпрыгнула, зависла невысоко в воздухе и приказала себе лететь к нему. Но дальше было что-то не то. Во-первых, я закрыла глаза, а этого не надо было делать; во-вторых, по-моему, я просто висела на одном месте, я чувствовала, как меня обдувает ветерок, и слышала гул электрички вдали, причём гул не прекращался, хотя в реальности гул слышимой на участке электрички быстро прекращается и не может быть слышен так сильно. Ещё я услышала голоса и шаги, мимо участка по дорожке шли какие-то парни. Пока я висела в воздухе с закрытыми глазами, они как будто меня не видели, а когда я открыла глаза и посмотрела на них – они стали про меня что-то говорить, типа

что «она тут занимается медитацией» или что-то такое. Я, конечно, нелепо выглядела – висела в воздухе на участке, кажется, в ночной рубашке (вроде бы это она была в зеркале, хотя я точно не помню, в реальности же я спала в пижаме). Я снова попыталась настроиться на полёт к Гоше, но всё стало распадаться, внимание уже больше находилось в теле, трудно было что-то изменить, в течение нескольких секунд всё внимание вернулось в тело. Тогда я чуть глубже нырнула в сон – и тут же вышла повторно, встала, прошла по комнате. Я решила не выходить из дома, а поискать шамана, чтобы задать ему свой вопрос, рядом с выходом из дома вместо стены увидела дверь в другую (в реальности не существующую) часть дома, прошла туда, решив, что в этой части дома, на втором этаже, я встречу шамана, стала подниматься по лестнице, но всё закончилось.

Вначале был какой-то сон, типа что я с какими-то людьми в городе, мы собираемся залезть на какое-то здание. Тут я подумала: стоп, что это я делаю, с чего это я лезу на какое-то здание и где это я. Пришло осознание. Я была на улице. Впереди в небольшом отдалении был красный дом с забитой дверью. Я вспомнила свою задачу найти шамана и решила, что за дверью будет шаман, которому я задам свой вопрос. Посмотрела на руки – руки были с кольцами: на левой – моё кольцо с топазом, на правой – какое-то другое кольцо с камнем, немного похожее на одно давно утерянное мной кольцо. Ногти сами были сделаны из драгоценных камней и переливались. Это было очень красиво. Вначале я шла к двери, а потом подумала: вдруг я не смогу туда попасть, ведь дверь забита, и тогда я громко позвала: «Шаман!» – и сама слышала свой голос. На мой крик подошёл мужчина средних лет и что-то сказал, что – я не разобрала, но окончание фразы было: «...я не буду». Я подумала, что он говорит, что мог бы помочь, но не будет. Хотя выглядел он немного хиппово и совершенно доброжелательно. После этого меня выкинуло.

Похоже, моя затея найти во сне шамана – неудачная. Уже много раз у меня ничего не получалось. Я была на Ленинском около входа в наш двор со стороны Зины Портновой. Зашла во двор и решила, что там будет шаман, и там была группа женщин, и одна из них действительно была похожа на шаманку: такая немножко цыганистая, чернявая, во всякой соответствующей атрибутике. Я стала её расспрашивать о том, что мне было интересно, но она отвечала всякую чушь, она даже не поняла вопроса. Тем временем мы дошли до речки, но вместо речки было какое-то ущелье, внизу вода, а на другой стороне какие-то причудливые холмы. Тут меня выбросило, и я снова вошла в сон и оказалась там же, где и была. Тогда я прыгнула вниз в это озеро в ущелье, погрузилась в воду, меня опять начало выкидывать.

Я оказалась в какой-то тёмной большой квартире с комнатой, полной книг. Начала выбирать с полок поэзию и читать. Пыталась запомнить стихи – вытащить их из сна – и пыталась читать вслух. Но главная проблема – строчки всё время менялись, дочитываешь строчку до конца – а она уже изменилась. Текст в постоянном изменении. Вскоре выпала оттуда, потом вернулась, просто расслабив сознание и сместив фокус в сон. Потом снова выпала. Потом хотела снова вернуться, но не получалось, пока в какой-то момент я не поняла, что вижу комнату закрытыми глазами, и встала из тела. Было темновато, но сносно. Я пошла по комнате, вышла в коридор. Перед выходом посмотрела и увидела своё тело на кровати, но у него почему-то были открыты глаза. Коридор вдруг перешёл в коридор квартиры бабушки и дедушки, справа была комната Алексея, впереди кухня, там кто-то сидел очень странный. Какой-то очень странный силуэт. Но я пошла в комнату Алексея. Там на кровати спало какое-то странное существо женского пола – как из какого-то мультика, очень странная внешность. Существо было коротенькое, с короткими рыжими волосами, большими губами и очень грубым лицом. Это был вылитый тролль или гоблин. Я разбудила её, вспомнила о своих поисках шамана и спросила: «Извините, вы можете мне помочь?» Она засмеялась и ответила: «Нет, я накурилась». Тут Гоша пришёл ко мне в комнату, лёг рядом со мной, и это окончило моё путешествие, фокус внимания тут же сместился в тело.

Я чувствовала плавающее состояние сознания и, не засыпая, смогла перевести его в подходящее для моих целей. Я подумала, что надо усилить это плавающее состояние сознания и отделиться от тела. Для этого я стала ощупывать вниманием, как в мультике про дереворыбный суп дерево ощупывало еду щупальцами, предметы в комнате. Я ощущала пространство комнаты и предметы и ощупывала их своим вниманием. Намерение ощупывать предметы быстро перешло в реальное ощупывание. Я смогла встать, отделиться от тела. Как-то (не помню сейчас точно как) оказалась снаружи дома и полетела. Полетела я, кажется, просто подпрыгнув в воздух с желанием полететь, может, были какие-то внутренние действия, которые обычно бывают во сне интуитивно понятны. Поднялась высоко и оказалась в каком-то помещении, там была лестница, я по ней шла и вышла на какой-то этаж. Видела кучу надписей, газеты на подоконнике, какие-то разбросанные и наклеенные бумажки с надписями. Я могла их читать. Я научилась это делать, читая их быстро-быстро, скользнув взглядом по ним. Они не превращались в нечитаемые коды, не менялись при таком чтении. Надписи были вполне логичные, а не абсурдный набор слов. Совершенно нормальные надписи. Чего-то особенного там не было, поэтому я их не запомнила, только почему-то запомнила увиденное в газете имя Александра Подбельского. С каким-то странным отчеством на Ф. Зашла в зал – там был фуршет. Нашла бутылку водки и пила её из горла. Но опьянела я или нет – я не поняла. Подошла к какому-то дядьке с усами и поговорила с ним: Здравствуйте! Он мне широко улыбнулся: Здравствуйте! И тут я вдруг задала ему тот самый вопрос, который хотела спросить у шамана. В ответ он рукой надавил мне на точку у основания правой ноздри. Я спросила: Это какая-то восточная точка? Он ответил: Да. Тут меня стало выбрасывать. Я спросила: Как она называется? Меня почти выбросило, я оказалась в своей комнате, и там за компом был не Гоша, а дедушка, и он сказал: Чжэнь. После этого я с усилием вернулась в то помещение, откуда выпала. Потом я вышла из зала и оказалась на палубе. Это был корабль, плывущий по реке. На палубе стояла цыганка и предложила мне погадать. Я протянула ей руку. Она спросила: Коротко или подробный разбор? Я выбрала подробный разбор, и зря, потому что я не смогла его дождаться. Меня (уже не первый раз за эту сессию) стало выкидывать в тело, всё стало меркнуть, и все эти разы я возвращалась интересным способом: представляла музыку, играющую вокруг, ритмичную, и начинала под неё танцевать и через это возвращалась. Тут я тоже вернулась через музыку, и цыганка продолжила изучать мою руку, потом меня снова стало выкидывать, я снова вернулась, и

вместо цыганки уже был какой-то мужик, он что-то мне говорил про мою ладонь, но это уже было как-то малоосмысленно. Кажется, я ещё пыталась проходить сквозь стены, и не уверена, что получилось пройти полностью, но помню ощущение вязкости и медленного прохождения. Потом я решила заняться превращением и полётом одновременно. Выпрыгнула с корабля и полетела над рекой, в полёте превращаясь в птицу. Я летела как птица и стала ей, я чувствовала крылья, они сами несли меня и очень мало двигались, чуть-чуть, легонько, это трудно описать. Потом я решила нырнуть на дно, будучи этой птицей, и подышать под водой. Сделала это. Потом река сузилась и по берегам показался дремучий лес. Я хотела побежать в лес и стать волком, но предательски вспомнила о своём теле, потому что это уже долго длилось, и я почувствовала по этому поводу некоторое беспокойство. Это было моей ошибкой, и меня вернуло в тело.

После я искала информацию про Чжэнь. Оказалось, что Чжэнь – это Чжэнь-Цзю, так называется акупунктура по-китайски. Получается, что мне показали нажатие на точку лица, которое я восприняла как нажатие на какую-то восточную точку для иглоукалывания, и произнесли слово Чжэнь, и Чжэнь – это, как оказалось, акупунктура. Вообще же Чжэнь (кит., буквально – истинность, а также подлинность, истина, правда) – понятие китайской философии и культуры. В толковом словаре «Шо вэнь цзе цзы» («Изыяснение письмен и толкование иероглифов», II в.) чжэнь толкуется как «превращение человека, вознёсшегося на небо». В «Чжуан-цзы», как сообщает философская энциклопедия, термин «чжэнь» обозначает подлинность бытия и «предел искренности (так)» в человеке, достижение которого позволяет избежать ложной объективации окружающего мира. Там же использован ставший потом популярным в даосизме термин «чжэнь жэнь» («истинный человек») – тот, кто достиг идеала «предельной искренности». В средневековых даосских трактатах ипостась дао, явленная в вещах, обозначается как «Истинное одно» (чжэнь и), которое одновременно выступает и в качестве пути постижения дао человеком. Кроме этого, у чжэнь есть ещё много значений, но для меня это слово стало неким ответом-сокровищем, которое я добыла в своих поисках шамана. Это было больше, чем ответ на вопрос, который я хотела у шамана получить, это было странное, незнакомое, загадочное слово, прозвучавшее в ответ из уст моего покойного дедушки, слово-символ, слово-тайна, слово, которое значит больше, чем я могу понять, но которое каким-то образом касается меня. Слово, найденное в мире снов, теперь звучит для меня и в яви, когда я вижу истину в вещах и людях.

5. Мысли вещей

Сегодня были грозовые тучи, потом выпал град. Мы шли в аптеку, прятались рядом с ней от града под навесом. Потом выглянуло солнце, а град перешёл в мелкий серебряный дождь. Листья уже на удивление большие. В палисадниках целые заросли молодой крапивы, лопухов и одуванчиков. На ухоженной грядке под чьим-то окном в доме у реки – тюльпаны и нарциссы. Пахнет чем-то клейким, весенним, липово-берёзовым.

Егор научился читать. А может, и раньше умел, просто его вчера случайно за этим застали. Буквы-то он знает уже давным-давно. Читает короткие слова, сначала по буквам, потом произносит целое слово.

Егор сказал буле (моей маме, он её так называет): «Я не хочу вырастать. Хочу оставаться маленьким». «Так ты вырастешь или нет?» – спросила буля. «Кажется, вырасту», – грустно признал Егор. Замечает, к чему дело идёт.

Недавно мне явилась покойная Беда. Я спросила её: «Ну как там – Бог есть?» «Раньше был, – ответила мне Беда, – а теперь всё равно что и нет». Беда поведала мне, что с Богом, с той реальностью, которую он собой представляет, произошло что-то страшное. Каким-то образом эта реальность, Бог, разложилась внутри себя, перенесла какую-то страшную деградацию. Что там именно случилось внутри Бога – так не объяснишь, но что-то крайне катастрофическое. Бог как будто углубился в свою бездну, и что-то там произошло такое ужасное, что его разложило, превратило его в ржавчину, плесень, мёртвых червей, хаос, разрушенного Бога, его мёртвую оболочку, поддерживающую странную чудовищную жизнь, из которой исчезли любовь и смысл. Эту страшную, разъеденную какой-то духовной скверной, коррозией, проказой божественную реальность никто не должен видеть, и она укрыта. Бог находится в глубокой пещере. Правит на небе совет лучших ангелов без Бога. А Бог спрятан, и даже говорить о нём избегают. В той пещере, где он спрятан, есть место ещё для кого-то, того, кто хочет быть с Богом, говорить с ним. Но ангелы туда никого не

пускают, поставлены ограждения. Но некоторые, кто не забыл Бога и очень любил его, пытаются проникнуть к нему в пещеру, побыть с ним, поговорить с ним, потому что раньше, до того как Бог разложился, быть с ним было самым лучшим, что только вообще может быть. И некоторые говорят, что они любят Бога и в таком состоянии и всё равно хотят быть с ним. Они пытаются проникнуть за ограждение, но советом ангелов это считается преступлением. Ходит версия, что Бог разложился не до конца, что в нём осталось что-то от прежнего Бога и что даже в этом разложившемся состоянии в нём есть бездна, а больше нигде её нет, и ангелы предлагают жить без бездны, а кто на это не согласен – тот хочет проникнуть к Богу, каким бы он ни был, и узнать божественное, узнать бездну. Даже разложившийся Бог ещё может дать туда доступ, хотя это смертельно опасно.

В августе 2017 года мы лежали с Егором в больнице, и мне было очень страшно. В одну из ночей случилась сильнейшая гроза. Я засыпала в грозу. Гроза мне очень помогла – я почувствовала это. Перед сном я ощутила скорость и мерность информации, превышающую мою скорость и мерность её обработки. Так бывает во снах и в поэзии, тогда ты чувствуешь, что на тебя наплывает много всего, но конкретно не можешь ничего поймать за хвост. Я осознала, что нечто подобное происходит, когда идёшь через море снов, переходишь его – и ты видишь очень много всего, но этого слишком много, и ты потом не сможешь ничего пересказать. Так и с ясновидением, поэтому трудно быть ясновидящим: информация приходит, её полно, но тебе её не распаковать – слишком высокая мерность и скорость. Единственный выход – увеличивать насколько возможно мерность и скорость сознания, постоянно над ним работать в этом направлении, а также пытаться чуть замедлять информацию и разглядывать её на доступных тебе мерностях, доверять себе, не гнаться за всей информацией, а схватывать важное – может быть, один образ, но важный. Итак, мне помогла гроза и звук электроприбора (специальной лампы, под которой лежал ребёнок соседки).

Я впала в особое состояние и стала слушать мысли вещей. Я трогала спинку кровати и слушала мысли спинки кровати – то, что происходило у меня в голове, это приходило мне в голову, но принадлежало спинке кровати. Собственно, это были не мысли, это было чистое её внутреннее, рокот, шум, движение, напряжение – что-то, что происходит внутри материи, ничего смыслового, семантического. У вещей беспокойно внутри. Потом я слушала мысли деревянной детской кроватки – и там была другая фактура, слушала мысли чего-

то ещё. Это было настоящее путешествие с множеством валентностей свободы. Я летала, я сотворила волшебную палочку из воздуха, а потом кучу волшебных палочек. Волшебной палочкой я превращала разные предметы, а потом с её помощью я превращалась в кошку. Потом полетела вверх, в космос, и, когда я уже была очень высоко, вдруг усомнилась, что могу летать, и упала вниз.

Если дёргать за невидимые линии воздуха, как за резинки, – можно на большой скорости двигаться вперёд.

Все стены – это пена. И вообще все вещи.

В дворницкой стоит помело.

Небо состоит из омерзительной серой массы копошащихся червей.

Однажды мимо моего окна прошёл Последний бог с сачком для бабочек и взял под козырёк.

Моника Беллуччи в 3-м сезоне «Твин Пикса» говорит: «Мы – как тот спящий, который видит сон, а потом живёт внутри сна». И сам 3-й сезон «Твин Пикса» оказывается о выходе из театра (слова Дейла «Встретимся, когда падёт занавес»), пробуждении внутри сна. В финальной серии сезона Дейл Купер входит в сновидение (или посмертное состояние бардо) Лоры Палмер и её пробуждает. Он задаёт вопрос: «Какой сейчас год?» Это тест – проверка реальности, и благодаря этому тесту Лора понимает, что она не может ответить и что она сейчас спит, и она осознаёт себя во сне и кричит, разрушая ткань кошмара. Таким образом, задачей Дейла оказывается – сделать так, чтобы Лора осознала себя в этом сне (возможно, созданном Джуди). Он подводит её к осознанию себя. Подобной проверкой реальности также является неоднократно звучавший в сериале вопрос из чёрного вигвама: «Это будущее или прошлое?» Здесь нет правильного ответа, и не в том дело, будущее или прошлое, – это

вопрос для пробуждения.

- Это будущее или прошлое?

...

6. Covid-19

Черёмуховые холода. Два дня как похолодало, и зацвела черёмуха у дома. Появляются свежие, нежные листья на кустах и деревьях. Сегодня мы гуляли по бульвару Новаторов. На нём одуванчики, как в детстве. Непонятно, продолжается режим самоизоляции или нет. Ничего непонятно. Заболевших всё больше. Уже болеют мои знакомые, приятели – люди, которых я лично знаю. Болеют семьями. Но людей на улицах всё больше, и машин на дорогах. Все толкуются, куда-то бегут, некоторые в масках, некоторые нет. Перед выходом из дома Гоша заметил: «Как привычно стало надевать маску, как быстро мы к этому привыкли». У меня чёрная маска, на Гошиной маске изображён космос. Нерабочие дни отменили, но при этом всех обязали выходить на улицу в маске и перчатках. Покупали шторы. Егор сегодня проснулся рано от солнечного света и попросил шторы. Со шторами будет лучше.

Мы шли по улице, и речь почему-то зашла об отношениях с вещами. Я поделилась наблюдением, что у одних людей сознание как бы собирается внутри себя и решает, как ему обращаться с предметами, что ему нужно, а что нет, а у других людей предметы привлекают к себе сознание, и оно в них расплывается, рассеивается, и человек не может этому сопротивляться. Таким людям надо иметь минимум предметов вокруг себя, чтобы они не крали их сознание. Вещи постоянно приглашают тело: съешь меня, возьми меня, потрогай меня, поиграй со мной. Внутри сознания происходит отбор, есть некий селективный механизм, какие приглашения принимать, а какие отвергать. Этот селективный механизм может плохо работать или даже быть сломанным, и тогда вещи делают с человеком всё что захотят.

После прошли подряд дождь, град и снег. Потом вышло солнце, и в воздухе летали мельчайшие, едва видимые глазу искорки воды.

В марте, когда началась вся эта история с коронавирусом, мы находились в Москве. Вернее, в ближнем Подмосковье, в Реутове. Были какие-то очень солнечные и медленные дни, я купила новую косуху, а на следующий день заболела ветрянкой. Когда я выздоровела, начали вводиться ограничительные меры. Площадку во дворе обвязали заградительной ленточкой, но первое время дети там всё равно были, пробирались вместе с родителями под ленточку, потом людей на улицах стало меньше, город начал как будто вымирать. Мы постоянно смотрели новости про коронавирус, несколько раз в день. Было понятно, что происходит нечто небывалое. Мама звонила из Питера и говорила, что в блокаду люди за водой на Неву ходили, прорвёмся как-нибудь. Она делала запасы для выживания на случай голода, отсутствия воды, отключения электричества. Мы не закупались ни гречкой, ни туалетной бумагой, ни масками, ни антисептиками. Маски и антисептики были только в одной аптеке, и их выдавали по одной штуке на руки.

Мы каждый день подолгу ходили гулять, но в безлюдные места, чтобы никого не встретить. Прямо за домом у нас мост через железнодорожные пути, за мостом – субурбия, странный индустриально-захолустный пригородный мир, промзона, коттеджный посёлок, в который превратилась старая деревня Салтыковка, где у многих знакомых когда-то были дачи. Сейчас старые дачи тоже остались, но их немного, больше коттеджей за высокими заборами. Рядом с одним сельским домом на участке меня поразил высокий деревянный крест, на котором были написаны предсмертные слова Гёте: «Больше света!»

Салтыковка – часть Балашихи, но городских домов здесь нет. Есть огромные, напоминающие готическую архитектуру и какие-то графские усадьбы замки нуворишей. Рядом экскаваторы, КАМАЗы, и синяя птица счастья сойка ковыряет клювом щель у чердачного окна какого-то старого дома. Прямо за мостом через железнодорожные пути в жидкой грязи всегда возится жёлтый экскаватор – он часть пейзажа, неотъемлемая деталь этого сектора карты, целей у него никаких нет, он просто ездит туда-сюда, месит грязь. Он просто нарисован здесь и вечно

находится в повторяющемся бессмысленном движении. В те дни из шлангов лили какие-то грязевые ручьи, земля то и дело расходилась под ногами, обнажая лужи, полные глины. И как окна в ад – в индустриальном пейзаже отверзались какие-то закрытые бани, бараний шашлык на углях, обнаруживались скрытые маленькие пруды, заброшенные постапокалиптические детские площадки, где и до начала коронавируса годами не бывало ни одного ребёнка, только дикие собаки лежали рядом и грызли кости. Мы выводили Егора гулять на такие площадки в скрытых затишьях, невидимых углах мира, лакунах и видели, как какой-то мужчина на велосипеде – возможно, мясник – привозил собакам большие куски сырого мяса.

Мир постепенно вымирал. Погода становилась всё лучше и лучше, а людей на улицах – всё меньше и меньше. Части мира постепенно стирались с карты, исчезали, закрывались. Оставались вывески на ушедших в себя глухих, запертых объектах – в этом было что-то жуткое. Огромный и пустой стоял «Ашан», и от этого было как-то не по себе, потому что он (и шире – торговый комплекс, молл, в котором он находится) был центром нашего района, его сердцем, местом, куда приходят за покупками, за развлечениями, за шумом, радостью, общением, потреблением, жизнью. И опустевший «Ашан» – это означало, что наступил зомби-апокалипсис, не меньше. В нашем дворе почти не было людей, и двадцатипятиэтажные дома нависали над обезлюдившим миром, как глыбы какого-то нечеловеческого присутствия, огромные скалы с множеством пещер внутри. Закрылись школы, детские сады. Закрылись столовая, кафе, пекарни – места, где мы регулярно бывали. Они тоже исчезли с карты мира. Целые сектора мира стали выпадать, углубляться в себя, их заперли на ключ. Закрылись кинотеатры и парки, и мы перестали ходить на прогулки в городской парк Реутова. Приходило новое, а привычная жизнь удивительно быстро исчезала. Я чувствовала какое-то странное облегчение. До этого у меня была тяжёлая депрессия с постоянным паническим состоянием, мне от неё даже прописывали антипсихотик рисперидон, но я не стала его принимать, просто подняла свой антидепрессант в четыре раза. А когда началась вся эта история с вирусом, мне вдруг стало легче.

Люди покинули улицы, и на них стали выходить существа из снов. Индюк и лошадь, панголин, старик – летучая мышь. Каждый день приходили вести, что города мира захватывают животные. Шакалы в Израиле подошли к домам, Лондон захватили лисы, в каналах Венеции появились ры-бы, лебеди и

дельфины, на улицы Милана вышли зайцы. Пустоты заполнялись невероятно быстро. Оказалось, что эпоха людей, человеческий мир – это был только сон Геи. Земля призывала бродить по ней сквозь века, видеть и разделять её сны, помнить о Золотом веке, чувствовать её колебания, циклы, ритмы, смену её сновидений, время ледников, время древних и ритмы движения ледников и переселения народов. Поэзия ледников и земных плит, поэзия древних народов, странные песни, в которых уже не разобрать слов. И будущие, не сложенные ещё песни, которые когда-нибудь сложат о нас после череды катастроф, когда наши кости будут лежать вместе с костями древних и реки будут течь по-другому.

Я хотела уехать из Москвы в Петербург. Казалось, что со дня на день Москву могут закрыть. К тому же встречать апокалипсис хочется дома, в родных стенах, с любимыми людьми. Мы рисковали остаться в закрытой Москве на неопределённо долгое время. А в Москве у нас никого нет, если бы мы с Гошей заболели и попали в больницу – непонятно было бы, что делать с ребёнком, его не с кем было бы оставить. Если бы Гоша заболел – я бы осталась вообще одна. В Петербурге же эпидемиологическая обстановка была лучше, и есть родственники и близкие друзья, и была надежда на лето уехать на дачу. На поезде ехать уже было опасно, и нас планировал забрать и отвезти в Петербург на своей машине сослуживец Гошиной мамы, который по работе собирался из Москвы в Санкт-Петербург. Но поездка отменилась, он заболел. Тогда я написала осторожное письмо Диме Григорьеву с просьбой подумать, не мог ли бы он нас забрать. На следующее утро Дима позвонил мне и сообщил, что выезжает. Это была целая операция по эвакуации нас из Москвы. Дима выехал утром, ехал по скоростной трассе, но приехал всё равно уже к вечеру. Мы вырвались из Москвы, опасались, не будет ли каких-то препятствий, кордонов. К тому моменту уже ввели режим всеобщей самоизоляции. На автозаправке девушка с безумными глазами умоляла купить у неё что-нибудь, чтобы хватило на бензин до Красногорска. Открывала сумку, показывала пудреницу, помады. Дорога была как мыло, машину вело, падал снег. В забрызганном лобовом стекле то выныривал, то опускался за деревья растущий, сырный, огромный жёлтый месяц. Машина редела и тряслась, будто вот-вот разлетится на куски. Это был глушитель. Мы боялись – подшипник. Из-за рёва мы не слышали друг друга. Громко включали музыку. Чтобы Дима не уснул за рулём, мы играли в слова. На заправке купили сникерсы и напитки, обрызгали упаковки антисептиком, перед тем как открыть. Ночная трасса была пустой, только редкие фуры, как какие-то громоздкие животные, двигались неторопливо, неся тяжесть своего тела, своего груза. На площадках для отдыха другие фуры спали в темноте. Мы не успели

вовремя заправиться, и загорелась лампочка – может кончиться бензин. Было непонятно, дотянем ли до ближайшей заправки. Казалось, мы вечно будем ехать в этой движущейся капсуле в промежуточном тёмном пространстве между запертыми городами. Было ничего не понятно, на телефон приходили какие-то мутные новости, что якобы Ленобласть закрывают, что могут не пустить. Было непонятно даже, встанет ли завтра солнце. Ещё час, ещё два, ещё три. Наконец вдали за тусклыми полями показались огни. Мы въехали в город. Мы вернулись домой.

7. Визионерский секс

Я часто попадала в сон через созерцание картинок перед глазами. В темноте мелькали разные образы, прекрасные женские лица, полусветом чуть выступающие из тьмы, похожие на урезанные луны. Самым долгим было видение множества птиц в каком-то прекрасном зелёном месте. Птицы самых разных видов заполняли в этом месте всю землю. Как-то раз после хорошей укурки мы с другом занимались сексом, и каждое его прикосновение к моему телу вызывало перед моими глазами каскады образов, видений. Он меня ласкал, а я лежала с закрытыми глазами и рассказывала ему, что вижу. Изменение ритма ласк – и видения меняются, а теперь попробуй вот здесь, о, здесь такое показывают! Это был захватывающий визионерский секс. Каждое прикосновение – новое видение. Хотя мой друг всегда говорил мне, что мне не нужны вещества, у меня и так расширенное сознание. Я тоже так считаю и всегда считала. Но после той укурки, действительно очень интенсивной, видеть «мультики» стало вообще необыкновенно легко. Видимо, имела место какая-то интоксикация, и я после неё долго видела мультики, лишь только закрывала глаза. И даже с открытыми глазами – шла по улице и видела одновременно и окружающий мир, и мультики в своей голове. Я и сейчас так могу, но всё-таки это стало сложнее.

У меня был специальный деревянный молоточек для простукивания разных частей тела. Смысл этого простукивания был в активации памяти, скрытой в теле. Во время простукивания нужно было прислушиваться к себе и пытаться уловить неуловимое, ускользающее – всплывание каких-то мимолётных фрагментов скрытой памяти, находящейся в мышцах, коже, костях, жировых

отложениях. Какие-то смутные сгустки ощущений освобождались от этого простукивания, выходили наружу.

Войти туда можно и через дверь. Как-то раз перед сном я стала представлять коридор и три двери, я выбрала левую. Но я не засыпала, и всё это было бесполезно. Я визуализировала коридор с каменным полом и факелами на стенах, тяжёлую деревянную дверь с металлическими скрепами и кольцом, за которое она открывается. Визуализировала себя, сидящую перед дверью, и стала ждать, когда я действительно буду засыпать. Я не держала эти образы в голове всё время, я просто знала, что, когда я стану засыпать, я должна войти в дверь. Я думала о чём-то или ни о чём не думала, я не знаю, но через какое-то время я, как обычно, стала засыпать. И в момент, когда я поняла, что засыпаю (я узнала его по приятной расслабленности, изменению хода мыслей, по всем признакам предсонного состояния), я открыла дверь и вошла. Не могу сказать, чтобы в тот момент я визуальное воспринимала детали двери. Для меня это просто была дверь, в которую я вошла. И я в неё действительно вошла. Это была не визуализация и не сон. Момент входа был сильным толчком. Он сопровождался резким изменением в моём состоянии. Это было какое-то содрогание, перепад, переход. После прохода в дверь я стала слышать один звук. Возможно, этот звук и вызвал у меня это состояние. Это были короткие повторяющиеся звуки, как бы одна и та же странная нота, словно издаваемая каким-то непонятным музыкальным инструментом и чем-то мне напомнившая уханье совы или какой-то неведомой ночной птицы. Эта странная повторяющаяся музыка очень сильно на меня воздействовала, она меня просто захватывала и вызвала какое-то особенное «магическое» состояние. И с каждым повтором этой ноты моё «магическое» состояние становилось всё сильнее и сильнее, я всё глубже и глубже в него впадала. Я провалилась в сны, но и во снах я слышала этот звук. Потом я проснулась, лежала в кровати, и этот звук продолжался. Я встала и сходила в туалет, подошла к окну, отёрнула шторы. На улице был сильный ветер, но ничего, что могло бы издавать этот звук, я не заметила. После всех этих действий моё восприятие, видимо, вернулось к обыкновенному. Звуки пропали.

Некоторые из сюжетов снов я записывала как художественные произведения – не то притчи, не то стихотворения в прозе.

Майя

загадка одного из древних владык майя выбита в камне на статуе чудовищного божества в руинах древнего города: мы – брат и сестра, смотрящие сны в солнечном городе майя, мы сходили вниз, ниже норы опоссума, мы сходили к подземным богам, но боги забрали мою сестру в страну, где рождаются сны, она была моей первой любимой женой, я правил этим городом тысячи лет назад, – написано на каменной статуе в городе майя, – но если чудовищный бог с именем, которое не изречь, пожрёт чьи сны и слова, то есть чью душу, тот ходит, ест и спит, но остаётся мёртв. я пошёл в темноту искать сестру, видел поле, засеянное черепаками, и в каждом была змея и шипела мне «отступись», видел лес из человеческих костей, и за каждым костяным деревом скрывалось по ягуару, и шипели мне «отступись», но я пошёл и пришёл в пещеры, где мерцающие камни разливают тусклую голубизну, и нетопыри и скорпионы пещеры говорили мне «отступись», и я пришёл к богам: боги, отдайте мою сестру. и сказали боги, что надо мне подождать: чудовищный бог с именем, которое не изречь, должен пожрать сны её и слова, после она может идти со мной. но я нашёл её, засунул руку в неё по локоть, достал сияющий уголь и проглотил его – это были сны её и слова. я проснулся во дворце своём, и сестра моя была со мной, мы, брат и сестра, смотрящие сны в солнечном городе майя, но правда ли – что я и есть чудовищный бог с именем, которое не изречь, пожирающий сны и слова, которому обещана была сестра моя и досталась?

Близнецы

отец и его сыновья жили на катере среди воды. приблизились к ним воины царя деревянного острова среди воды. и один из сыновей старика пошёл с ними воевать: день и ночь воевал он у деревянного острова с царём деревянного острова и забыл отца своего и братьев, год за годом сражался он в воде по колено, по пояс, по грудь, когда воины царя деревянного острова его оттесняли дальше в воду. деревянный меч его сгнил, но сгнил и меч царя деревянного острова, устали воины царя или погибли, а царь деревянного острова и сын старика дрались друг с другом врукопашную на мелководье в мокрых рубахах, и не осталось сил ни у того, ни у другого, роняли они друг друга в воду, пьянели от крови друг друга, пачкались в песке, а на все края горизонта была вода, и едва заметен вдали был катер старика, дрались они год за годом, проголодавшись, заглатывали мелкую живую рыбёшку. и царь деревянного острова отрубил сыну старика мизинец и съел его, а сын старика выдавил у царя деревянного острова глаз и выпил его. когда сын старика ушёл воевать, он был

ещё ребёнком, – так он и вырос, не видя ничего, кроме царя деревянного острова, воды, альбиносов и бакланов. но вот царь деревянного острова ударил его по голове старым веслом, и сын старика потерял сознание, а когда очнулся, увидел братьев своих, приплывших за ним на лодке. и они отвезли его на катер к старику, но сын старика ушёл от них, и они не могли его удержать. отец и братья его уничтожили лодку, чтоб он не мог уплыть, но он пошёл ногами по дну и вернулся к царю деревянного острова, потому что полюбил его, и царь деревянного острова полюбил его, и они легли, вложив руку в руку и уста в уста, и вода качала деревянный остров, как сумку в животе кенгуру, как отданную во владение дерущимся близнецам материнскую матку, где жили они и умерли в один день. и они были ещё слишком мало похожи на детей, какие-то сгустки. потом вода выкинула их на берег.

Города

города других планет, города астрала, со всем зодиаком и геральдическими животными, города, совмещающие в себе москву, петербург, севастиополь, приснившиеся города, их реки, троллейбусы, метрополитены, серебристые трубы, модели самолётов, навесные балконы, окружённые зеленью, осенние листья на газонах, свежeweмытый асфальт, кабачки с эстрадой, окна высоких этажей, из которых я спрыгиваю вниз и не разбиваюсь, аллеи с одуряющими белыми цветами, над которыми я скольжу, не касаясь земли ногами, дворцовые комплексы, зимний рынок, знакомые районы и улицы, которые выводят к морю, хотя никогда туда не вели, учитель-китаец, танцы девушек в русских костюмах на чёрно-белой плёнке под народную песенку на немецком языке, заснеженная набережная, напоминающая петрозаводск, бетонные стены, заводские постройки, библиотека с книгами, от каждой из которых испытываешь удар током и на табло загорается надпись «теперь умри», города, сочетающие старинное и футуристическое, строгие формы ренессанса и инопланетно-футуристический антураж, сюрреалистические пейзажи, амфитеатр, полный белых обезьян с зелёными мордами, странный мир, где с неба постоянно бьют разряды, и они попадают в человека, если не встать от него с двух сторон на равном расстоянии, если же от него встают с двух сторон, как надо, разряды превращаются в глыбы льда и катятся в направлении него, но чуть-чуть не докатываются. На горе же там находится игрушечный чёрный бор, утыканный маленькими игрушечными деревцами и с разными игрушечными странностями внутри: кострами, лагерями, цветными светящимися камушками. Из дерева и грязи я слепила лошадь, но она превратилась в исчадие зла в женском облике с металлическим цилиндром вместо головы. Из двух прекрасных блондинок одна

была преступником, а другая полицейским, первая же превращалась в берсерка, если на неё попадала хотя бы капля воды. В жизни милейшая и скромная красавица, попав под дождь, она зашипела и запрыгнула на крышу. – Зелёный мох на мокром камне, на самом краю берега стоит Наташа, сливаясь с девушкой на гравюре, и непонятно, камень это или серо-зелёное платье. Зброшенный еловый городок, всюду ели, старые, с пожелтевшими иглами, стволы елей вписаны в декоративную постройку домов. В странном многоуровневом домике, состоящем из лесов и балок, я искала огромную серую кошку-рысь из моих снов, чтобы она помогла мне вспомнить то, что забыто. Цыганка на лестнице сказала мне «спроси о чём хочешь». Я спросила её про большую кошку и как мне вспомнить то, что забыто, но она ответила мне про прекрасные сказки, которые будут рассказаны, и превратилась в тряпичную куклу-цыганку. – Апокалипсис – нарастающий гул, прозрачная субстанция приняла форму маленького вихря, в полумраке и ужасе нарастает восторг разрыва сил, державших мир, восстаёт древняя магия, детские сны, и теперь никогда не будет скучно. Лица на небе и нечто, подобное птицам, – носящиеся повсюду тени. Гипнотизирующие существа охотятся на людей, которые укрываются в железном бункере. Мы вместе с Д. трахаем детдомовскую девушку. Девушка с воем катается по полу. Новый заговор врачей: теперь они заставляют людей лысеть. Некое божество явилось мне в облике коровы, мы очень любили друг друга, она каталась по траве и выгибалась, а я ласкала её. Мой возлюбленный – художник, он рисует обнажённую кореянку и спит с ней. На даче в красном особняке живёт ведьма, днём она играет роль мягкой пожилой женщины, вечером она становится молодой, злой и резкой, вечером у неё распущенные волосы цвета сизого дыма. Она режет время пополам, и никто не может разбудить меня, они бьют меня по щекам, но ничего не получается, ваша скорая не успеет. Я вижу тебя, любимый мой, в светлой комнате, твои волосы собраны в хвост, я в тонкой жёлтой сорочке, подаренной твоей матерью, мы сидим в свежей чистой постели друг напротив друга, обнимаем друг друга, ты мне улыбаешься, и какое страдание знать, что это я собрала твой образ из своей расщеплённой памяти. Я с трудом приоткрываю глаза, чтобы увидеть твоё лицо, надо мной склонённое. Моя детская комната, за окном темно, и Ленинский горит многочисленными огнями. – Я натываюсь на невидимые предметы, иду в зоопарк смотреть на единорога. Любимые тела превращаются в длинные цепочки чего-то сосискообразного. Я нахожусь в сказочно-фэнтезийном мире, словно бы внутри компьютерной игры с 3D-графикой, в его ландшафтах и интерьерах видится нечто искусственное. Всех моих персонажей убивают. Помню девочку, гуляющую по холмам недалеко от усадьбы, где она работала няней, и призрак мальчика, преследующий её, и пластмассовые и стеклянные цветы. Призрак мальчика сделал так, что река подёрнулась слоем тонкого льда. Из проруби появилась рука мальчика, и он

увлѐк девочку на дно, и она билась головой об лёд, но под водой увидела те же холмы и хозяйев усадьбы, или то были подводные духи с пластмассовыми и стеклянными цветами.

8. Свеча и зеркало

Однажды у меня случился приступ паранойи. Мне казалось, что за мной следят, что я вижу одних и тех же людей в разных частях города, и это не просто так. Незадолго до этого я прочитала о феномене пси-террора и про психотронное оружие и вдруг почувствовала, что проваливаюсь в этот бред, что мне начинает казаться, что это всё правда. Мне стало плохо, мысли стали вязкими, я чувствовала, что ещё немного – и я увязну в бреде. Хотелось бежать по улице, перестать думать, остановить психоз. Как тѐмные змеи из щелей, просачивалась какая-то жуть. Сквознячок из ада. Я уже знала, что остановить эту раскрутку могут только таблетки. Все двери закрыты, все окна закрыты, но ты чувствуешь, что открылась щель и из этой щели поддувает. И эту щель нужно заткнуть; если не сделать это быстро – она будет становиться всё больше и больше, превратится в разлом, засосѐт тебя: будешь на чѐрном ветру рядом с этим жутким зиянием, в месте, откуда нет выхода. Это был 2009 год, мне надо было на поезд в Москву – предстояла презентация моей книги. Я закинулась таблетками в поезде, меня трясло. Дрожала всю ночь, увидела себя тантрической иконой, на мне была чѐрная кружевная шаль, красные украшения с какой-то непонятной мне символикой, вместо глаз были пылающие огнѐм щели. Потом я оказалась в месте, окружѐнном горами, откуда творился мир. С гор прямо ехал враг, там его страна. Внизу встретила Странника – одного из праотцов, он рассказывал мне, что было тысячи лет назад. Сошла с поезда и отправилась к Ф., у которого я вписывалась, завалилась спать, он лёг ко мне в кровать и обнял. Я сказала: «Ебаться не будем», тогда мы просто заснули в обнимку. На следующий день стало легче.

Одно время я интересовалась эзотерической группой хакеров сновидений и общалась с поколением их младших последователей. У нас был практикум, в ходе которого мы должны были добиться совместных осознанных сновидений. Я практиковала вместе с девушкой по имени Арфа. Она приезжала ко мне домой, и мы подолгу настраивались друг на друга: сидели в полутѐмной комнате и

рассказывали друг другу всякие важные истории о себе, наблюдая при этом едва различимые наплывы разных цветов в полутьме на наши тела. Совместных осознанных снов никто из проходящих практик так и не добился. Однако у нас с Арфой произошло одно интересное явление. Как-то раз, когда я гуляла, Арфа позвонила мне и сказала, что собирается лечь спать и попробовать посновидеть. После этого через некоторое время я зашла в книжный магазин, и моё внимание привлекла книга, на обложке которой большими буквами было написано «ИБИ». Я подошла полистать эту книгу, и оказалось, что это как раз книга на тематику, близкую к хакерам сновидений, кажется, даже в той же книжной серии, где выходили книги про них, – вероятно, поэтому я и обратила на неё внимание. Я прочитала в аннотации, что ИБИ – это Институт биохимических исследований, где якобы проводились какие-то экстрасенсорные опыты. Полистав книгу, я пошла домой, и мне снова позвонила Арфа. Она сказала, что ей удалось заснуть, и у неё было осознанное сновидение, в котором она вышла на кухню, и на кухне на стене большими буквами было написано «ИБИ». «Ты не знаешь, что это может значить?» – спросила меня Арфа.

Лет в восемь я начала «изучать» магию. «Изучение» состояло в беспорядочном чтении на эту тему и в каких-то детских ритуалах. В тринадцать лет у меня случилась первая любовь, мой парень был магом и отморозком, он учил магии меня и моих подруг.

В вечер нашего знакомства во второй половине июля 1999 года мы большой компанией ребят направились к пожарному пруду, прилегающая к нему каменная плита была одним из мест встречи молодёжи. Но пруд оказался уже занят компанией пьющих мужиков, среди которых я увидела С., казавшегося удивительно юным на их фоне. Хотя ему было уже девятнадцать, он выглядел как пятнадцатилетний мальчишка, отчасти из-за своего очень маленького роста, – очень бледный, светло-русый, с рубиновой серьгой в ухе, в рабочих штанах и чёрном ватнике на голое тело с нашитой на локоть перевёрнутой пентаграммой. Зрачок одного глаза у него был в форме восьмёрки. С. пел под гитару песни и при этом не сводил с меня глаз. Пел он «Фантом», и ещё песню про дождь, и «Афганистан», добавляя под конец куплет «Вот так и я уйду служить и не вернусь, вот так и я погибну за святую Русь», и песню про водку, и много чего ещё. А потом он сказал, что хочет есть, потому что три дня ничего не ел, бухая в лесах и на болотах (надо сказать, что любимым занятием компании С. было дышать бензином на болоте, и один из его бывших товарищей, кажется

Еретик, увлекался историей и, надышавшись бензином, обыкновенно разговаривал с Лениным), и я пошла домой и принесла ему сливы со стола.

После того вечера на пруду я заболела, и так тяжело, как не болела ещё никогда в жизни. Никогда прежде моя температура не поднималась выше сорока градусов, а когда я более-менее поправилась и вышла на улицу немного прогуляться, я сразу встретила С., едущего на велосипеде рядом со своим приятелем. Как только я его увидела, я обнаружила странную неспособность двигаться, мышцы мне больше не подчинялись, и я почувствовала, что сейчас упаду как подкошенная прямо на глазах у С. и это будет очень стыдно. Всё это длилось какую-то долю секунды. С. спросил, как я себя чувствую, и сказал, что знает, что я болела, и что он хотел прийти меня вылечить, но не хотел пугать моих родителей, и сказал, что он меня искал. А потом мы с С. и его лучшим другом Р. стали проводить время вместе: гулять по посёлку или сидеть у меня в сарае, и, когда мы гуляли по шоссе или в районе рынка, я видела, как все ребята на нас смотрят, потому что С. и Р. были известными отморозками в посёлке, и я чувствовала, что нашла себе достойную компанию. Идя мимо заброшенного дома, С. брал камень и швырял его в окно, на котором появлялась маленькая точка с разбегающимися от неё лучиками, и они с Р. обсуждали свои совместные приключения в астрале, какие-то собрания, разных тварей, которых они встречали, чёрные с серебром доспехи принца смерти, каковые были у С., агентов ФСБ, гонявшихся за ними по астралу, чтобы завербовать их, свои планы проникнуть в подземную лабораторию, которая была организована спецслужбами и находилась под посёлком, путь же туда вёл или через заброшенный дзот, или через колодец в районе дальнего лесного озера. В этой лаборатории велись какие-то секретные исследования, посвящённые магии, и там находились всякие разработанные артефакты, например кольцо, способное делать невидимым, наподобие кольца всевластья у Толкина.

В один из тех дней, когда мы шли к моему дому, чтобы поесть с кустов малину и посидеть в сарае, С. спросил, не нужен ли мне парень. Я ответила, что нет. Когда мы обрывали малину, С. сказал, что он меня любит, а потом стал говорить это всё время. Р. тоже влюбился, но С. сказал ему «не трожь, это моё», и, поскольку С. был главный, Р. особо не лез, только смотрел голубыми глазами с поволокой, к тому же у него заканчивался отпуск, ему надо было на завод, где он работал разнорабочим, и он стал приезжать только по выходным. С. же после девяти классов отучился то ли в училище, то ли в техникуме, в армию его не

взяли, хотя он очень хотел, потому что он стал рассказывать комиссии про свои занятия магией, ему не поверили и сказали «сделай что-нибудь», он сделал, что у одной из женщин заболела голова, и ему поставили диагноз «шизофрения». С. работал в посёлке водопроводчиком в летнее время, а по окончании сезона собирался устроиться в городе грузчиком или охранником. Я поначалу не отвечала С. согласием на предложение стать его девушкой, но проводила все дни вместе с ним и уже потом согласилась, что подразумевало самые серьёзные последствия, например то, что С. обещал на мне жениться, как только я достигну соответствующего возраста, что, впрочем, должно было произойти ещё очень нескоро.

С. очень много рассказывал про астрал – он говорил, что все мы бываем там во сне, но до поры не можем этого помнить. Я смутно понимала, что то, о чём он говорит, должно быть как-то связано с теми случаями, когда ночью всё начинает раскачиваться, вибрировать и я сажусь на кровати, а тело моё лежит, но я обычно пугаюсь, и длится это не очень долго, или с теми случаями, когда я вижу сон и вдруг понимаю, что вижу сон, и тогда начинаю действовать в мире сна вполне сознательно, но это тоже обычно длится недолго. С. время от времени рассказывал мне, чем мы занимались в астрале, что ему передавали, что я там его искала или что мы в астрале сыграли свадьбу.

Однажды С. рассказал мне мой сон. Хотя это был не сон в обычном смысле. Я вышла из тела и была в каком-то удивительном месте розового цвета, очень приятном, и всюду была вода, я купалась в ней, вода эта была необыкновенная по качеству. Такой воды я прежде никогда не касалась, она была небывало мягкая и не имела ничего общего с обычной водой. На следующий день я начала рассказывать этот сон С.: «Всё было розовое, и там была вода», а С. продолжил: «И эта вода была не такая, как обычная, очень мягкая, приятная, да? Странно, как ты там очутилась, это розовая пещера в лабиринтах астрала, там отмывают дракончиков, ты могла оттуда и не выбраться». Потом ещё мы с подругами и С. собрались у меня в сарае, С. попросил свечу, зажёг её перед старинным зеркалом с резьбой, стал смотреть в зеркало странным взглядом и поставил ладони рядом с язычком свечи, затем он стал поднимать ладони, и огонь свечи поднимался вместе с ними и поднялся почти до потолка, превратившись в очень тонкий светящийся луч. В другой раз мы с подругами сидели в сарае без него, и Надька С. подошла к зеркалу и стала долго в него смотреть, потом отстранилась и сказала, что видела С. Тогда к зеркалу пошла Надька Б., долго в него смотрела

и сказала, что тоже видела С. Последней пошла я. Отражение моё преобразалось, принимало шаткие, иногда страшные лики, иногда гасло, и вместо него образовывалась пустота, а потом я тоже увидела С. Был уже вечер, но мы решили пойти к С. и посмотреть, чем он занимается. Лил дождь, и мы взяли полиэтиленовые накидки, идти до С. было относительно далеко, но, когда мы пришли, он сказал, что только что закончил что-то делать в астрале, и ни одна из нас не решилась рассказать, что мы его видели.

Никаким магическим церемониям С. нас не учил, а сказал, что обучение на первых порах будет происходить через сны. Были ещё замки. Однажды С. отправил Надьку С. в замок, потом попытался отправить меня, но не получилось. Замок у каждого был свой и представлял его подсознание. Вначале надо было расслабиться, помедитировать, закрыть глаза и найти в темноте самую светлую или самую тёмную точку, затем идти на неё по тоннелю, превращающемуся в как-то оформленный коридор, вероятнее всего каменный с факелами коридор средневекового замка, но это зависит от личного дизайна каждого, и ничто не мешает сделать в твоём замке евроремонт, если тебе так больше нравится. Затем ты находишь дверь иходишь в тронную залу с колоннами и гобеленом за тронном, там же в центре находится источник энергии, от которого ты можешь заряжаться. Но всё это нужно не просто представлять, а именно видеть, и если ты начинаешь с представления, оно постепенно должно перейти в видение, а дальше ты можешь исследовать свой замок и обнаруживать разные неожиданные вещи, например картинную галерею, на полотнах которой изображены наиболее значимые события твоей жизни, или же библиотеку, в которой расположены книги, которые ты можешь читать третьим глазом.

Помимо астрала, С. рассказывал нам про отражения. Их очень много, и по ним можно путешествовать, например через зеркала. «Если изменишь – я тебя убью и останки раскидаю по всем отражениям», – говорил он мне. Магия и ебля – две вещи, которые его интересовали больше всего. Он был очень смешной, прикольный, сексуально озабоченный, с ним было весело. Его мир как будто отчасти имел черты какого-то фэнтезийного магического мира (в первую очередь DragonLance: он утверждал, что он сам на четверть кендер, а Земля должна слиться со своим магическим двойником – планетой Кринн), отчасти же имел черты матерной заветной неадаптированной сказки, чего-то вроде: «Прежде жили только бабы, мужиков совсем не было. Фаллосы в большом изобилии росли в лесу, куда бабы и ходили по мере надобности. Одной бабе надоело ходить в лес; она вырвала фаллос и принесла его себе в чум...»

Борода – мужик, который на рынке разливал бодяжную водку, – называл С. и Р. шудрами. Что же, значит, меня интересовала тогда магия шудр – пэтэушников, водопроводчиков, разнорабочих и тусующихся с ними малолетних школьниц. Это вам не сложные брахманские теории и просвещённые снисходительные улыбки философско-мистических школ, это экстремальный путь в запредельное, «грязная», низовая струя, образованному человеку нужно быть слишком ебанутым, чтобы любить такое. Но однажды, когда этот «образованный человек» устанет от лжи, написанной в книгах, устанет от культуры, от знаков, порождающих знаки, от выхолощенных теорий, от философов, которые говорят о том, чего не понимают, – он взалкает магии шудр, понятной школьницам и пэтэушникам, пьяным рабочим, проституткам, бомжам, торчкам, он захочет входить в зеркала, тусоваться с шестирукими чертями, взглядом поджигать сигареты... Я не очень-то люблю интеллектуалов. Из них мне нравятся, пожалуй, интеллектуалы-отморозки, интеллектуалы-панки, чтоб они были ебанутые на всю голову, не от мира сего, тогда им можно простить их интеллектуальность, но таких очень мало.

Два года назад мне пришло в голову начать медитировать на пламя свечи. Так получилось, что в спальне поставить её было некуда, кроме как рядом с туалетным зеркалом, доставшимся нам от Гошиной бабушки. Я сидела и смотрела на огонёк свечи рядом с зеркалом и вспомнила, как двадцать лет назад С. поднимал пламя свечи у зеркала на даче, в моём сарае. Я решила попробовать, и вдруг совершенно неожиданно у меня получилось, пламя свечи поднялось сантиметров на двенадцать, превратившись в тонкий светящийся луч. Я долго удерживала его в таком поднятом состоянии, потом стала иногда повторять это упражнение, не всегда, но часто пламя свечи поднималось. Я пробовала это с разными свечами, купленными в разных магазинах, – пламя поднималось! Мне удалось сфотографировать это на айпад и один раз показать поднятое пламя Гоше, позвав его из соседней комнаты, но он сказал, что ничего особенного, это какой-то физический эффект, фокус, и страшно разозлился, потому что его отец – практикующий эзотерик, и Гоша всего этого в детстве наелся, и у него к таким вещам своё, сложное отношение.

9. Неотражённый свет

Вещи постепенно исчезают. Образуются пустоты. Вчера ещё здесь был магазин, а сегодня нет. Здесь была парикмахерская, а сегодня нет. Пространства запираются на замки, сдаются в аренду. В мире всё больше дыр, разрывов. В городе исчезают здания, в лесу – деревья. Исчезает память, люди забывают друг друга. Соседка с седьмого этажа, с которой мама общается, не узнала маму. Мама её встретила, подошла поговорить и увидела, что соседка её не помнит.

Весной, когда сёла растворяются в вишнёвых садах, из больниц, домов престарелых и квартир своих взрослых детей сбегают лишённые памяти старики. Они не помнят свою жизнь, а помнят только свой дом детства. Они идут его искать, сбегают, чтобы в него вернуться. Они не знают своих имён и становятся пропавшими без вести. Они помнят названия исчезнувших, заброшенных деревень и идут туда в больничных тапочках на босу ногу, в свои порушенные дома, полные запаха исчезновения и медовой травы.

Весь день дождь, чуть прояснилось – и вышли гулять. Ходили смотреть на живущих во дворе кошек, у них там гнездо, их подкармливают. Егор впервые осознанно увидел дождевого червя. Долго его рассматривал, сидя на корточках. Впустил в своё сердце. Сказал: ты – хороший червь. Я люблю тебя. Червя скоро раздавят, но он получил место в вечности. Человеческий ребёнок в своей щедрости открыл для него врата. Будет там на дорогах извиваться, ползать.

Человек будет жить там, где его нет. Он будет петь там, куда улетает ветер. Там, где человек есть, где он не свободен от себя, – он не живёт. Когда он заснёт там, где нет ни вчера, ни завтра, когда он расстанется с собой, он будет жить. Он будет жить в этом нет, а там, где он есть, – он жить не может. Там, где его нет, он обретёт то, для чего создан, – жизнь. Там, где не было вчера, он будет помнить. Там, где не будет завтра, он будет строить. Там, где зарастают все тропы, он найдёт путь.

Леночка мне написала когда-то: «Мне иногда снится, что где-то бьёт свет. Неотражённый и неопределённый. И он не похож на звёзды или на свет яблок в ночном лесу. И мне бывает плохо от него и часто даже знать о нём тяжело. Но когда ты пишешь или говоришь, я понимаю, что вот его чистая трансляция происходит. Можно просто понимать и не бояться. Всё становится лучше и

выносимей. Даже представить не могу, как ты справляешься с этим, как тяжело нести это всё без фальши, спорить с ежедневным градусом витальности».

Свет бродит по миру неузнанным. Тот, кто его несёт, в мире подобен принцу в одежде нищего. Если он распахнёт плащ – из-под плаща польётся неотражённый свет. Он бьёт из его сердца, охватывает всё тело. Нужно ходить в запахнутом плаще, прятать свет, не показывать его сторонним людям. Подобно нищему в плаще, тот, кто несёт этот свет, стремится раствориться в толпе, ускользнуть, не быть схваченным. Ему ничего не нужно, кроме этого света, никакие блага мира. Однажды свет воссияет, и ничего, кроме этого света, не будет, но время ещё не пришло.

У мамы вся стена увешана дешёвыми софринскими иконами: Христос и Богородица, Николай Чудотворец, Пантелеимон, Лука, Иоанн Кронштадтский, Ксения, Матрона. Каждый вечер мама к ним обращается, с каждым из них разговаривает. Говорит: «Это моя работа». С тех пор как мама с помощью заговора на картошку свела себе пяточные бородавки, которые не уходили, сколько бы их ни удаляли другими способами, а тут ушли сразу, – мама поверила в народную магию. Ищет в интернете заговоры от разных болезней, жжёт церковные свечи, молится. Нашла заговор от поноса: «Лежит поле богато, в нём нора засрата, / Там срамной порог, там живёт хорёк... / Чтоб дристан ушёл от слова моего» – и стало помогать. Мама говорит: звучит смешно, но работает. Я, говорит, сама во всём сомневаюсь, но тут вижу, что работает. Тётя Лида маме сказала, что каждое утро, просыпаясь, надо три раза сказать: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Мама говорит: «Каждый вечер, как бы мне ни хотелось спать, как бы ни было лень, я к каждой иконке обращаюсь, вначале благодарю, а потом уже прошу. Когда что-то очень нужно, обращаюсь к ним ко всем сразу и говорю: “Ребята, помогите, вы же команда”». Мама ходит к мощам, к чудотворным иконам, пьёт святую воду, боится порчи, недоброго взгляда. Маме нравится, что многие заговоры заканчиваются «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь», так что они как бы и заговоры, и молитвы одновременно. Мама читала заговоры от горла – горло проходило, читала от сердца – и проходило сердце. В роду у нас были две бабки-знахарки, колдуньи, может, в маме что-то от них проснулось.

Однажды во сне я видела иконостас на небе. Я была в очень плохом месте, там было двое карликов, и они беспрестанно мучили друг друга всеми возможными и невозможными способами. Они отрезали друг другу разные части тела, поедали друг друга и т. д. Когда один другого замучивал до смерти, тот воскресал, и всё начиналось заново. И я понимала, что они будут это делать без конца. В них не было ничего человеческого, ничего животного, это были чистые исчадия. И это повторялось снова и снова. Мне было там плохо, а потом я видела, как будто к окнам подошла вода, и это была какая-то чудовищная бледно-зелёная пена, и я увидела, что мои руки уже по локоть в этой пене, я пыталась её отмыть, но она не отмывалась. А потом всё изменилось. Я посмотрела вверх. Я никого не видела, ни лица, ни силуэта, но там, наверху, был вне форм и образов воспринятый иконостас, и створки были приоткрыты – я это не видела, но знала. И там было присутствие Бога, и это было переживание невыразимого восторга и любви, бесконечная радость – просто быть рядом, и такая сильная это была радость, что я, потрясённая, проснулась.

10. Песни ведьм и русалок

Лежала и вспоминала город. Там есть какой-то очень глубокий сектор, направо от центра, ощущение движущейся толпы, тёмно-жёлтое свечение, старинные дома, сложные улицы, постоянное углубление, зима или осень, вечер. В центре – что-то более лёгкое, яркое, светлое, мостики через Мойку, фонтанчики, арки, дворы Капеллы, близость дворца, лето, утро, музыка, цветы. Петроградка – страшная, древняя, монументальная, с затерянными улицами, демонами на домах, барельефами, жёлтыми деревьями, заброшенным кинотеатром. Дальше вспоминать стало сложно. Боли. Шея, затылок, всё ломит, отдаёт в ключицу. Шею как будто сзади трогают чьи-то пальцы, боли за ухом, какие-то шарики перекатываются в ушах при глотании. Голова как будто заложена ватой, становится легче, когда открываешь окно – дышишь.

Новости о дальних знакомых, заболевших коронавирусом. Говорят, скорая не приезжает, долго ждать, большая очередь, врачи болеют. Звонила Саше Секацкому узнать, как его дела, – последний раз виделись с ним давно, вместе выступали в РХГА с ним и с Н.Б. Соскучилась по нашему общению. Когда всё это закончится, надо наконец увидеться.

Утром в ковше на столе обнаружила игрушечную зелёную ящерицу. Она лежала в воде, питалась водой, росла. Тело у неё пупырчатое, пористое, впитывает воду. Ящерица дышит в воде, образуются маленькие пузырьки.

Также утром выяснилось, что пропал чёрный шахматный король. Как писал Кэрролл, мы все ему снятся. Он большой, лакированный, в короне. Его куда-то зашвырнули, и он потерялся. Может быть, всё наоборот: не мы ему снятся, а он видит наши сны. Он как-то поддерживает это устройство: то, что я обладаю целостным телом и представляю целостного себя в центре внешнего относительно себя мира. Если чёрного короля разбудить, он перестанет это делать и наступит хаос: в нём части меня будут перемешаны с частями мира, перспективы первого лица не будет, зато будет перспектива от неформленного множества фракций хаоса. Не будет ни центра, ни «внутри», ни «вовне».

У каждой вещи и каждой части тела есть свои собственные мысли и желания. Можно подслушать мысли ноги, мысли руки, мысли большого пальца, мысли каждой молекулы, каждого атома. Нога говорит: I am not your foot. Рука говорит: I am not your arm. Мозг говорит: Я не твой мозг. Я говорит: Я не твоё я.

Гоша покупает Егору в магазине ящериц, змей, надувных свиней. Только летучих мышей и лягушек не хватает. Егор принимает ванну с этими существами: с ящерицей и змеей. Змея длинная, гибкая, опасная. Гоша принёс её у себя на шее. Должно быть, у маленьких демонов такие игрушки: земноводные, пресмыкающиеся, те животные, в которых способен превращаться дьявол, его вотчина. А дети ангелов играют в белогривых лошадей, пони, радужных птиц, зайчиков. Чтобы заколдовать, ведьма может подсунуть жабу в ванну. Я тоже хочу принять ванну со змеей или жабой, лежать с закрытыми глазами, чувствовать, как она плавает рядом, холодная, скользкая.

Никогда не учила Егора стыдиться наготы. Вдруг сегодня, когда его раздевали в комнате були, на кровати под иконами, он засмутился и сказал: «Иконы захихикают».

Однажды я приняла волшебное вещество и увидела: абсолютно на всех вещах – в воздухе, на земле, на поверхностях предметов, на собственной коже – всюду один и тот же мелкий рисунок, письмена, похожие на какие-то иероглифы,

значки, символы, коды. Очень красивые письма. Смысл пульсирует, как вдох и выдох, и когда смысл вкладывается – всё ярче проступают и светятся эти скрытые письма, а когда смысл исчезает – письма разлетаются в пустоту, как какие-то дхармы, которые потом вновь собираются в текст, образованный на пустоте.

Когда мне было тринадцать и мы занимались магией, мы все писали на древнемагическом языке. Этот навык приходил сам: в какой-то момент человек садился и начинал писать странные письма, напоминающие какие-то древние алфавиты, то ли иероглифы, то ли арабскую вязь. Говорить на этом языке мы не пробовали, только писали, а С. иногда расшифровывал написанное. Сейчас я думаю, что это было асемическое письмо. Иногда на меня находит вдохновение, и я начинаю писать таким способом. Эти письма очень похожи на те письма, которые начертаны на всех вещах в мире. Я думаю, их можно расшифровать, но не в лоб, а каким-то внутренним сложным способом. Я люблю нечитаемые записи, таинственные коды, детские каракули, примитивное письмо и древние непонятные мне языки, которые остаётся только созерцать. Языки, смысл которых определяется не заданной грамматикой и словарём, не какими-то стереотипными формами, а восприятием и интуицией.

Одно из моих первых детских впечатлений о поэзии – это песни, которые поёт всякая нечисть: русалки, лешие, домовые. В те годы, когда я ещё совсем не знала никаких поэтов, кроме детских и Пушкина, я любила отрывки стихов, которые мне попадались в сказках, например какая-нибудь песня ведьмы или русалки. Мне нравились стихи-заклинания, ритмичные, тёмные, завораживающие. Они возникали совершенно неожиданно в прозаических текстах сказок. Они отзывались у меня в крови, как странное бормотание откуда-то из глубины веков, из сочленений костей, то, в чём звучит отголосок беззвучного крика природы. Что-то простое, дикое, тёмное, страстное и печальное, древнее, страшное, бросающее тебя прочь от всех выносимостей культуры – к самому сердцу мира. Я читала эти сказки с вкраплениями стихов на даче. Я была маленькая. Была гроза, скрипели доски, и сердце мира говорило со мной. Ведьма в сказке Петера Кристена Асбьёрнсена бормотала, когда лечила ногу гостя:

Воздух,

Вода,

Земля

И огонь!

Ногу сломал

Необъезженный конь.

Жилы срастутся,

Смешается кровь,

Всё, что разорвано,

Свяжется вновь!

Бразильский лесной дух Каипора пел:

Кто бродит по лесу,

Насмотрится чуда...

...Насмотрится чуда,

Но только об этом

Ни слова покуда!

Оборотень, которого домовые подкинули одной женщине вместо её ребёнка, говорил:

Стал я старый такой,

Как гора Вестервальд, и седой,

Но не видел я никогда,

В скорлупе чтоб кипела вода.

Маленькие человечки, помогавшие сапожнику по ночам, пели:

Теперь нам, красавчикам-мальчикам, можно

И не возиться с дратвой сапожной!

Сын чудовищного людоеда кибунго, перед тем как отец его съел, плакал:

Так и мама говорила:

Тебя кибунго съест постылый...

Так и мама говорила:

Тебя кибунго съест постылый...

Мельница доброго человека Доброгоста поскрипывала, будто говорила:

Течёт вода,

А жернова

Всё трут зерно,

Хоть ночь темна.

Царица вод, вышедшая замуж за крестьянина, уходя от него, пела:

За всё, что мы тут видели,

Калунга,

За то, как нас обидели,

Калунга...

Или песня гномов из «Хоббит, или Туда и обратно»:

За синие горы, за белый туман

В пещеры и норы уйдёт караван;

За быстрые воды уйдём до восхода

За кладом старинным из сказочных стран.

Именно у них – озёрных дев, леших, ведьм, оборотней, домовых – я училась тому, что такое поэзия.

11. Шахматы хаоса

На карте снов есть сектор города на даче. Побывала в нём впервые за долгое время. Он находится глубоко, обычно в него попадаешь так: идёшь гулять по даче, по сельским улочкам, направляешься за Приозерскую улицу и дальше углубляешься. Выходишь в городской район, неожиданно появляющийся среди сельского сектора. Там есть старинный центр этого городского района – старые красивые дома и какое-то большое торжественное административное здание, дальше идут новостройки и хрущёвочки, как в маленьких городках, дальше промзона. Возможно, там есть набережная и выход к морю, но пока это только подозрение. Городской район на даче связан с ощущением глубины и блаженства, это наше желание города, неожиданно найти его, когда мы в сельской местности. Желание открыть среди сельской местности город. В этом что-то есть от поездок в Сосново – ближайший посёлок городского типа – в детстве. Поездки туда были праздником. В Сосново есть главная площадь, магазины, пятиэтажки. В нём вроде бы и дача и город – парадоксальным образом соединились. Город начинается тогда, когда в посёлке появляются многоэтажные каменные дома. Во сне всегда интересно искать в этом городском районе кафе, бары, магазины. Нахождение их сопряжено с радостью: они открывают новые возможности. В этот раз в конце проспекта было огромное красное административное здание с белыми колоннами, в нём было какое-то следовое давление тоталитаризма, какая-то советская память. Если бы это был большой город, можно было бы сказать, что это исполком. А так – непонятно, как назвать: горком, райком? Тоже не подходит, это же не районный центр, этот кусок города во сне – сам по себе, как остров.

Я учу Егора играть в шахматы. На первых порах бессмысленно объяснять трёхлетнему ребёнку правила, кто как ходит и т. д. Нужно, чтобы он просто привык к доске, к фигурам, начал воспринимать их движение по доске как пространство своих возможностей, пространство, в котором ему свободно. Чтобы доска и фигуры стали для него возможным способом жизни в пространстве.

Мы играем с ним в особые хаотичные шахматы. Фигуры расставляются по доске в произвольном порядке, двигаются как хотят, в любых точках доски любыми способами съедают друг друга, но в любой момент спонтанно возвращаются обратно на доску. Он делает ход – двигает любую фигуру как хочет. Я отвечаю тем же. Мы можем делать так часами. Можем долго думать над каждым ходом, а можем вообще не думать. Постепенно мы начинаем понимать друг друга. Образуются какие-то невидимые, неформулируемые правила движения фигур, в их основе – не стратегия, а интуиция, восприятие. Я начинаю догадываться, какой ход он сейчас сделает, какую фигуру подвинет. Фигуры начинают образовывать узоры, группы, в которых своя странная логика. Если они собрались наподобие домика и в нём есть одно зияние, он сейчас закроет это зияние, поставит туда фигуру. Если они образуют узор, он сдвинет фигуру, чтобы продолжить этот узор. Я начинаю понимать, что можно походить «неправильно» – нарушить равновесие. Егор это почувствует, скажет: «Так нельзя», уберёт мою фигуру. Игра не заканчивается ничьей победой. Просто в какой-то момент она надоедает, и тогда фигуры можно стряхнуть с доски и разбросать по комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/gorbunova_ally/leto

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)